

— Золотое слово —

Сергей Попадюк

Про армию и не только

Издательство Интернационального Союза писателей

Сергей Семенович Попадюк

Про армию и не только

Серия «Золотое слово»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44782476

*Про армию и не только. Рассказы: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2019
ISBN 978-5-00153-099-2*

Аннотация

Сборник включает 17 рассказов и очерков. Воспоминания о нашей армии (какой она была в первой половине 1960-х годов) дополнены рассказами об экспедициях, связанных со сбором материалов для Свода памятников архитектуры России. Армейская служба, осмысленная как испытание, формирующее личность, и работа в глухих углах российской провинции, встречи и общение с самыми разными людьми вызывают у автора размышления о русском народе, об особенностях его мировидения и исторической судьбе. Эти размышления, сконцентрированные в эссе «Школа товарищества», в исторических экскурсах «Скобари», «Там, где полководцы поставили вехи», «Преподобный Сергей», представляют особый интерес в контексте теперешних споров о патриотизме и поисков «национальной идеи». *Книга содержит нецензурную брань.*

Содержание

Об авторе	5
Встреча	7
Не напрасно	11
Первый караул	18
Самый веселый фильм	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Попадюк

Про армию и не только. Рассказы

© Сергей Попадюк, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Об авторе

Попадюк Сергей Семенович (1943 г.р.)

Старший научный сотрудник Государственного института искусствознания. Кандидат искусствоведения, член Союза московских архитекторов, советник Российской Академии архитектуры и строительных наук.

Автор ок. 70-ти научных публикаций, в т. ч. монографий Теория неклассических архитектурных форм. М., «Эдиториал УРСС», 1998. (14 а.л.) и Неизвестная провинция: Историко-архитектурные исследования. М., «Эдиториал УРСС», 2004. (40,5 а.л.), а также книг Черновик и комментарий: Записки искусствоведа. М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. Кн. 1–3 (80 а.л.), Без начала и конца. М., «БИБЛИО-ГЛОБУС», 2014 (56 а.л.) и Кивни, и изумишься. (57,7 а.л.) М., «ВРЕМЯ», 2019. Кн. 1–2.

Встреча

Давно, давно я не был так счастлив! Вчера собрались мы – «тамбовские волки»: десять лет исполнилось со дня нашего появления в Тамбове.

Мы встретились у «Пекина»: Жан, Купалов, Моргунов, Феров, Шнейдерман и я, – сидя в купаловской «Волге», подождали полчасика, не подойдет ли кто еще, и поехали ко мне. Дома нас поджидал Мишка Осипов, позже подошел Савицкий. Звонил еще Брандаусов и плакался, что не может приехать: гости к нему неожиданно нагрянули. («Нужные гости», – съязвил Полковник.) Мы пустили трубку по кругу, и каждый высказал Бранду все, что он о нем думает.

– А помните, как первый раз в «Пекине» встретились? – сказал за столом Славка Феров. – Я думал – один буду. Ну, еще Шнейдерман, с которым после Германии созвонились... Смотрю – толпа! Ведь человек 70 собралось. Вошли в зал, говорим официантам: «Мальчики, столы можете для нас сдвинуть?» «Можем, – отвечают, – а сколько?» Мы посмотрели вокруг: «Да все!..»

Да, это было событие. Прослужив вместе первые семь месяцев, да еще пять – по разным батареям сержантской школы в Мулино, а затем на два года разлученные службой, мы помнили этот шальной уговор – 13 декабря (день нашего призыва), сразу после дембеля, в шесть часов вечера встре-

титься у «Пекина». (Кто предложил? почему у «Пекина»? Но все дружно подхватили.) И вот в назначенный срок бывший Третий артиллерийский дивизион, набранный в основном в Москве и Подмосковье, начал стягиваться к дверям ресторана – рослые, красивые, шумные парни, непривычно элегантные в штатской одежде. Мы вернулись в Москву, в *нашу* Москву, и эйфория возвращения после долгой разлуки все еще владела нами. Вновь прибывавших узнавали издали и встречали приветственными криками. Объятия, поцелуи, расспросы... Потом расселись за сдвинутыми в длинный ряд столами, но тем, кто продолжал прибывать, места уже не хватало, и они пристраивались за спинами товарищей – кто придвинув стул, а кто стоя, – им передавали бутылки и закуску. Я сидел между Полковником и Жаном и с умилением оглядывал собравшихся – славные полузабытые рожи, – во встречу с которыми уже не верилось.

Напротив, через стол, сидел Витька Захаров, мой первый сосед по койке, донимавший меня по ночам рассказами о своих сексуальных подвигах на бульварных скамейках и в подъездах; в строю я шел за ним в затылок и перенял его легкую, танцующую походку. Рядом с Витькой – атлет Феронов, уложивший в честном поединке за казармой здорового Швейка, а рядом с ним – сам Швейк (Мишка Чибисов), воинственный малый, который даже приятелю своему Журавлеву предложил как-то после отбоя прогуляться с ним за казарму, на что тот равнодушно согласился: «Ну, вый-

дем»; но тут Батя, приподнявшись на койке, веско промолвил: «Не надо», – и они молча разошлись. А дальше – Сашка Лядов (Саса), который прославился тем, что однажды в ответ на брань майора Одарича произнес с глупейшей улыбкой: «А может, вы сами дурак?» Еще дальше – светлоглазый мореход Блудушкин, обогативший тамбовский фольклор (в создании которого каждый из нас поучаствовал – песенкой, байкой, выходкой или фразой) двумя перлами: словечком «кент» и окликом «эй, с ломом!» Плечом к плечу сидели крепыши-гимнасты Наташов и Купалов, а за ними – наши интеллектуалы: Волоховский, Монес, Медовой. И наш запевала Олег Моргунов, и высокие молодцеватые дружки Касапов с Турмасовым, и Генка Черкасов по прозвищу Снегурочка... Мы пили за встречу, за тех, кто не смог сегодня прийти, и за тех, кто мерзнет сейчас где-нибудь в карауле. Мы растроганно улыбались и кивали друг другу, мы горлачили наши песни, заглушая ресторанный оркестр, а перед глазами вставало одно и то же: тускло освещенный спортзал с тесно сдвинутыми двухъярусными койками, куда набили несколько сотен новобранцев, вонь, матерщина, пьяные драки, постоянное ощущение холода и безнадежность; темные, грязные кочегарки, в которых мы норовили хоть на несколько минут укрыться от стужи, и тут же в тепле нас размарило в сон; а еще снежная равнина танкодрома, ледяной ветер, траншеи в снегу, рев танков; а еще палатки летнего лагеря, орудия на опушке, зной, комары; а еще плацы в Му-

лино, бревенчатый клуб, где смотрели кино, лежа на полу, учения в лесах и болотах, грохот орудий; а еще пересыльные пункты, Германия (для большинства) и случайные встречи – мельком, на учениях, – когда тягач останавливается у какого-то озера, и ты скидываешь с себя пропотевшее *хабе*, чтобы по-быстрому выкупаться, и вдруг в солдате, который так же раздевается на другом берегу, узнаешь «тамбовского волка», кричишь ему: «Олег!», а он тебе: «Жанчик, ты?!», и вы одновременно прыгаете в воду и плывете навстречу друг другу, чтобы обняться посреди озера...

Вот с тех пор, с той первой сходимки, мы ежегодно 13 декабря встречаемся у «Пекина». Правда, нас становится все меньше и меньше.

...Полковник в одиннадцать заторопился домой. Мы не хотели его выпускать и столпились у двери, а он, выйдя с Молчушкой в соседнюю комнату, потихоньку выпрыгнул в окно. Мы вылетели во двор и с топотом промчались вокруг дома, но Мишка был уже далеко и на бегу смеялся над нами. – Порицание ему! Общественное порицание!

– У-у, сука! – рявкнули мы в один голос.

Боже мой, до чего же было хорошо!

В четыре утра мы распрощались. Они набились в машину Купалыча, и он, предварительно пожевав на кухне сухого чая с подсолнечным маслом, повез их по домам.

Не напрасно

Одна за другой машины притормаживали перед воротами КТП, затем сворачивали влево по шоссе: колонна двинулась в сторону Бокино. Остались позади кирпичные корпуса казарм, прямые дорожки в лозунгах, плацы, столовая, баня с высокой трубой, склады, финские домики военного городка, караульное помещение и гауптвахта. Мелькнули за колючей проволокой серебристые цилиндры ГСМ, и шоссе вынеслось в степь.

Колонна растянулась. Грузовики шли с равными интервалами, и казалось, что не катятся они, а неподвижно стоят на несущейся к горизонту ленте шоссе. Потом началась гонка.

Моторы взывали, увеличивая скорость. Задние машины подтягивались и, настигая, обгоняя одна другую, приближались к передним, а те, маневрируя и газуя, не давали задним вырваться вперед. Колонна сбилась в плотный грохочущий ком. Азарт шоферов передался и нам – мы стояли по трое в каждом кузове.

– Давай, давай! – колотили по кабинам.

Мы держались друг за друга и пружинили ногами, когда кузов подбрасывало. Пилотки пришлось запихать в карманы, ветер рвал отросшие за зиму волосы. В кузовах гремели лопаты. Мы ехали в Котовск, за шлаком.

Шоссе было прямое и сверкало против солнца. Встречных

не было, грузовики шли рядами. Отстающие медленно уползали назад и грозили кулаками, потом так же медленно ползли вперед, и тогда мы им грозили. Ничего не было слышно, кроме рева моторов.

– Давай! Давай!

Ряды ломались. Чтобы обогнать, вылетали за обочину и мчались без дороги. Степь неслась навстречу. Потом свернули с шоссе на проселок, и грузовики рассыпались в степи, как конница.

Грузовики мчались по степи, кренясь на поворотах, проваливаясь в низины и отчаянно взлетая на бугры. Машины бросало. Мы стояли в треплющихся кузовах, мы пригнулись к самым гривам и летели, гремя бортами, тройка за тройкой, обнявшись на широко расставленных ногах. Ветер оглушал, гимнастерки надувались шарами.

– Дава-ай!..

Котовск прятался в сосновом лесу, словно на дне колодца. Тихий городок наполнился громом, замелькали заборы. Машина за машиной врывались на территорию маленького завода, натужно карабкались между горами шлака и наконец остановились. Запахло перегретым металлом. Мы попрыгали на землю с лопатами в руках.

– Ого! – сказали. – Бери больше, кидай дальше...

Присвистнули. И полезли наверх.

Гора шлака, на которую мы влезли, была повыше заводских построек, но ниже сосен; мы облепили ее. Отсюда весь

городок был – как на ладони. Мы стали бросать шлак, он громко ударился в пустые кузова.

Как только мы бросили первые лопаты, шлак под нашими ногами задымился: он был еще свежий и не прогорел. Серный запах перехватил дыхание.

– Понятно, – проговорил Сашка Платицын. – Других охотников не найдется. Эх, начальники!..

Но было не до разговоров. Скорость дороги все еще владела нами, и азарт гонки не прошел.

– Давай, чего там!

Дымящиеся горсти шлака так и полетели. Дым пошел гуще, стало трудно дышать. Вся наша гора окуталась дымом. Мы работали в сплошном дыму.

– Дымишься, гадина?

Гора кишела нами. Мы копали ее, как сумасшедшие, не видя друг друга, кидая наугад; шлак душил нас. Кто не выдерживал – скатывался, съезжал с горы, а отдышавшись, опять лез наверх, в пекло. Слышен был лишь спешный скреб лопат – он заглушал проклятия и кашель.

– Давай! Давай!

Лопаты захлебывались.

Конечно, это было глупо – так спешить, – потому что работать предстояло весь день, и завтра, и послезавтра тоже; не работа была нам определена, а количество рабочего времени; торопясь, мы только прибавляли себе работы. Но мы спешили изо всех сил и в полчаса закончили погрузку.

– Хорош! – закричали снизу шоферы. – Хватит! Поехали!

Мы спустились, волоча лопаты. Гора дымилась, как действующий вулкан. Залезая в кузова, оборачивались: снизу наша работа представилась нам исполинской.

– Ну и ну! – удивились. – Как мы ее...

– Правду, значит, говорят: два солдата бульдозер заменят, а три – экскаватор.

– Ты-то, Генка, и за патефон сойдешь.

– На шлак не садитесь, – предупредил Сашка Платицын, – без порток останетесь.

Машины тронулись. Покачиваясь и гремя бортовыми цепями, выкатились в городок. Потянулись мимо заборов, крылечек, окошек с занавесками и геранью, развешанного на веревках белья. За каждой машиной вился дымок тлеющего шлака. Под голубой вывеской остановились, как по команде, и мы опять спрыгнули на землю.

Грязные, потные, ввалились в магазин. Там было темно и прохладно, и было пусто.

– Сбрасываемся, парни!

– Ну, погнались!..

Пили у магазина, на улице. Бутылки, переходя из рук в руки, задирались доньшками кверху.

– Давай!..

Выпили и пошли вдоль заборов.

– Ну и городок! Одни заборы. Хоть бы навстречу кто попался.

– А воздух! Тишина! Хорошо-то как, братцы!

– Попрятались они, что ли? Эй, люди!

– Смотри: чувиха! Девушка, идемте с нами! Ишь ты, улыбается...

– Ты на рожу свою погляди, Святой.

– А Жан прожег-таки задницу. Ты чего, Жан?

– Да так. Повело меня что-то с непривычки.

Мы гурьбой шли по улице, по самой середине. Шли, обнявшись, Наташов и Олежка Купалов, загорланили песенку из польского фильма:

Мы сидели близко, близко,

А бармен пел нам по-английски...

О, Сан-Франциско!

Нам было весело. Мы хорошо поработали и выпили, а теперь гуляли. В ушах все еще стоял грохот отчаянной гонки; от сумасшедшей погрузки гудели плечи. Это было не так уж глупо – что мы спешили.

Наши ЗИЛы, нагруженные доверху шлаком, ждали нас в конце улицы, на выезде из городка.

...По лесистому склону машины спустились к мосту. За рекой виднелась деревня, женщины полоскали на песчаной отмели. На мосту затормозили, и прямо с грузовиков мы бросились в воду.

Мы быстро раздевались и прыгали. Машины подходили одна за другой. Мост был уже забит, останавливались на

спуске и, соскочив, бежали к берегу. На бегу срывали грязные гимнастерки. С хохотом и свистом врывались в реку, и река выплескивалась из берегов. Словно вихрь налетел: женщины с того берега исчезли.

– Дава-а-ай! – несло над рекой.

Вода кипела между горячими телами. Блестящие, разные, все белые, только лица и кисти рук черные – коротко мелькали с моста, с берега и с плеском и смехом выскакивали по пояс – разинутые рты, мокрые волосы, сверкающие брызги до неба... Выбегали и снова кидались. Лето было в разгаре.

Вода ласково обнимала – тугая, прохладная. Она была совсем не такой в начале апреля, когда грузовик свалился с понтона. Двое наших утонули тогда.

Весна в этом году пришла стремительно. Мы возвращались из дальнего караула, а река вскрылась за одну ночь и затопила пойму. Плыли льдины, заборы, деревья, было сильное течение. Мост снесло, но навстречу нам выслали саперов с амфибией и понтоном. Мы все оказались в воде: цеплялись за льдины, за вынырнувший понтон – кидали автоматы, потом вылезали сами. Объятия воды были злыми тогда и не хотели разжиматься. Двое не вылезли. «Двух автоматов не досчитались», – сказал Генка Черкасов. Длинный ряд сапог выстроился в коридоре санчасти. Через неделю выловили Гришку Сомова, и гробы стояли в клубе, но мы туда не ходили. С тех пор снимаем пилотки, когда случается проезжать по новому мосту. Это ниже по течению, на рассказов-

ском шоссе.

...Смеясь и отплевываясь, выходили на берег. Толкались, шлепали друг друга по голым спинам. Разыскивали одежду и натягивали на мокрое. Грузовики ждали нас на мосту. За мостом виднелась деревня, а дальше лежала степь, по которой мы мчались утром. Это было совсем не глупо – что мы так спешили.

Первый караул

Да, ходил с охотой. Мне нравилось вываливаться на целые сутки из рутины армейских будней в особый, рваный распорядок караула: два часа на посту, два часа бодрствования, два часа сна, опять на посту, опять бодрствование... Нравилось после казарменного многолюдства очутиться в полном одиночестве, с неограниченной властью на охраняемой территории, это ни с чем не сравнимое ощущение свободы вооруженного человека на необитаемом острове. Вот где простор мечтам и фантазиям! Особенно я любил дальние караулы, на артиллерийских складах, – в глухом лесу, в отрыве от армии и от мира, где маленький коллектив (на три-четыре поста, не больше) жил почти по-домашнему: в перерывах между сменами сонно играли в шахматы, читали, топили печку, разогревали привезенную с собой в термосах пищу, прибирались, разгребали снег во дворе...

Поначалу, правда, было *стремновато*; нас запугивали рассказами о том, какую страшную взрывную силу таят в себе эти склады, о возможных диверсиях и о случаях нападения на часовых. Бывалые доброжелатели напутствовали: «Бей очередью в лоб, и все дела!» Мы с волнением ждали этого нового испытания. И вот дождались.

...Машина миновала последние дома города и помчалась по шоссе. Закат, не заслоняемый больше домами, был те-

перь виден весь. Он лежал на горизонте – тонкий, как шнурок, и мы, сидя в крытом кузове вдоль бортов, повернув головы, молча смотрели на угасавший закат, на прямую полосу шоссе, которая быстро удлинялась за нашей машиной, на снежные, голубые в сумерках, просторы полей, тянувшиеся по сторонам дороги. Коротко встряхиваясь, машина проехала по деревянному мосту, и мы увидели две баржи, наполовину вытасенные на берег и вмерзшие в лед. (Месяца через полтора этот мост будет снесен весенним паводком; двое из нас утонут при переправе на обратном пути из караула.) Еще полчаса езды, и машина, свернув с шоссе, въехала в лес. Здесь было совсем темно. С натужным ревом преодолевая ухабы, машина раскачивалась так, что мы скопом валились друг на друга.

– Трясемся, как Иван-царевич на сером волке, – проворчал кто-то в темноте, но шутка не разрядила царившего в кузове напряженного молчания.

Потом рев смолк, хотя мотор продолжал работать, и дважды хлопнули дверцы: это вылезли из кабины капитан Худяков и шофер.

– Приехали, – объявил наш разводящий, младший сержант из артполка.

Наступив на задний борт, он спрыгнул на землю. За ним стали спрыгивать остальные, недоуменно поглядывая на лесную избушку, у которой остановился наш грузовик, – избушка с мертвыми, затемненными окнами и кутившимся над

трубой дымком.

В комнате, куда мы вошли с мороза, было жарко от топившейся в углу печки, горела на столе керосиновая лампа, и сидели вокруг стола солдаты из сменявшегося караула – судя по эмблемам, танкисты, – уже готовые в дорогу, в шинелях, с автоматами на коленях. Лампа тускло освещала бревенчатые стены с развешанными плакатами, на которых множество одинаковых солдатиков образцово несли караульную службу, начиная от развода и кончая задержанием нарушителя: маршировали по аккуратным дорожкам, стояли на постах, тушили возникающие пожары, не курили, не прислонялись, не справляли естественных надобностей, – и глядели из кружочков стереотипные портреты героев; в свете лампы повернулись к нам оживленные лица сидевших.

Видно было, что между ними только что шел веселый, легкий разговор, с шутками и похохатываньем, прерванный нашим появлением. Они были возбуждены, как люди, выполнившие тяжелую работу и уставшие, но именно от того, что все позади и близок отдых, не чувствующие усталости. Они весело, без сожаления смотрели на нас, которым еще только предстояло взвалить на себя ту же работу.

– О! Артиллерия притащилась!

– Полы вымыли, а их все нет!

– Мы уж думали: вы перевернулись по дороге...

– Братцы, дайте закурить, у кого есть, сутки без дыма сидим, – говорили танкисты.

Один из них, с сержантскими погонами, встал, закинув автомат за спину:

– Кто там у вас первая смена, собирайтесь!

– Дай обогреться ребятам, – сказал наш разводящий.

Сержант взглянул на него:

– Это кто с тобой – салаги?

– Ну да, первый год...

– Ну а раз салаги, – спокойно продолжал сержант, – кончай базарить. Наши уже лишний час на постах мерзнут. Идем!

Он направился к двери, не оборачиваясь, уверенный в том, что приказ будет выполнен.

– Товарищ капитан, – крикнул он в соседнюю комнату, где начальник караула сдавал дела Худякову, – мы пошли!

С уходом смены в комнате стало просторнее. Мы сняли шинели и поставили оружие в пирамиду, но приткнуться пока было некуда, и мы теснились по стенам, за спинами танкистов, а те, уже не обращая на нас внимания, продолжали свои разговоры. В свете лампы плавал табачный дым, раздавались громкие грубые голоса, взрывы хохота, вспыхивала шумная деревенская возня, от то и дело отворяемой двери тянуло потоками холода... Потом вернулись сержант с нашим разводящим и с ними сменившиеся часовые. Воротники обындевевших шинелей у них были подняты, ушанки завязаны под подбородком. Они протолкались к печке и стали греть озябшие руки.

– У, салаги хуевы, из-за вас чуть насмерть не закоченели, – приговаривали они, скидывая валенки и переобуваясь в сапоги, но в их голосах не было злобы, а все то же чувство облегчения от законченной работы.

Сержант и наш разводящий доложили офицерам, что смена постов произведена. Танкисты, стуча сапогами и посмеиваясь, стали выходить на улицу.

– Ну, счастливо вам тут... Счастливо оставаться! Чтоб все было в порядке.

Слышно было, как зашумела мотором и, гремя бортами, отъехала машина, как кричали и свистели отъезжающие, и вдруг стало тихо. Капитан Худяков задумчиво прошелся по опустевшей комнате:

– Что ж, орёлики, с почином. Отдыхающей смене – спать!

Вместе с другими я вышел в соседнюю комнату, нащупал в темноте топчан и улегся, укрывшись прихваченной с вешалки шинелью, подложив шапку под голову. Тревожное ожидание предстоящего не давало уснуть. Как-то все сложится? И – вот оно:

– Смена, подъем!

Началось! Мы поднимаемся, натягиваем шинели, перепоясываемся, разбираем оружие из пирамиды. Выходим на мороз, по команде подсоединяем рожки к автоматам, щелкаем затворами. Потом идем гуськом по ночному лесу вслед за разводящим, который подсвечивает тропинку фонариком; автоматы в такт шагам поматываются на спинах. И вот уже

луч фонарика удаляется, мелькая за деревьями, а затем исчезает. Я остаюсь один на один с ночным лесом.

Стою, вперившись в черноту за колючей проволокой. Туда же смотрит бессмысленное дульное отверстие моего автомата. Там, в черноте, мерещатся мне непонятные шорохи. «Часовой, – объясняли бывалые доброжелатели, – это человек, вооруженный до зубов, завернутый в тулуп и выброшенный на мороз». Что он может? Ничего не может. Пока сбросишь рукавицу, нащупаешь бесчувственными пальцами предохранитель, изгодишься... Я поворачиваюсь и медленно, вперевалку, бреду к освещенным воротам склада, волоча полы тулупа по снегу, стараясь попадать валенками в следы моего предшественника. Проектор лупит в запертые железные створы ворот и выделяет подробности: замки, пломбы, головки болтов, большую цифру «2», выведенную по трафарету. Войдя в круг света, добавляю к ним свою тень, которая наглядным повтором подтверждает мою роль неповоротливой мишени. В этом тяжелом неуклюжем тулупе я способен лишь топтаться на виду у скрывающихся во тьме неведомых диверсантов. Делать нечего, бреду по тропинке в обход склада. В тишине поскрипывает снег под моими валенками. Я бреду, поминутно оглядываясь, настороженно всматриваясь в тени от пожарных щитов...

(Кстати, о тулупе. Часовые приходят и уходят, сменяя друг друга, а тулуп всегда на посту: очередной сменщик помогает часовому освободить один рукав и просовывает в

него свою руку, потом часовой сам выпрастывает руку из второго рукава и натягивает его на сменщика. И вот толстый, стесняющий движения тулуп согревает меня теплом моего предшественника и многих-многих других, несших караульную службу на этом посту. Сколько их было? На следующий день при свете я обнаружил, что стена склада испещрена надписями: «Валерий Жуков стоял здесь 10.10.59», «Привет брянским!», «Надо отпиздить старшину Перевалова: а зачем он нас..?» и т. п. Была среди них и ликующая – «Скоро домой!» – с чьей-то скептической припиской: «А хуя не хочешь?»)

Я хожу и хожу по территории поста, чувствуя, как лицо немеет от мороза, холод постепенно пробирается под тулуп и в валенки, ремень автомата оттягивает плечо, давят на бока противогаз и подсумок и все тело с непривычки изнемогает под нагруженной на него тяжестью. Уже никаких ужасов не жду, только бы смена скорее появилась... Время тянется медленно. И вот они идут – смутные тени, отделившиеся от леса, четверо, гуськом – прямо на меня. Я стараюсь кричать как можно громче и внушительнее:

– Стой, кто идет?

Получается так страшно, что сам пугаюсь.

– Разводящий со сменой, – звучит отзыв.

– Разводящий ко мне, остальные на месте!

Он идет ко мне, освещая фонариком свое лицо, курносый, краснорожий, весело спрашивает на ходу:

– Ну как, узнал?

После двух часов на ногах и всех пережитых волнений мне послышалось: «Ну как, устал?» И я так же весело отвечаю:

– Нет, пока – ничего!

Они – ребята – хохочут.

В караульном помещении поедаем ужин, приготовленный нашими сменщиками, моем термосы и посуду, потом ключем носами под мирное потрескивание дров, дожидаясь, когда уйдет на посты очередная смена. Потом спим вповалку на освободившихся сдвинутых топчанах, укрывшись шинелями, не разуываясь, не расстегивая поясов со штык-ножами и подсумками. И опять – «Смена, подъем!» Вырванные из сна глубокой ночью, так и не проснувшись окончательно, плетемся за разводящим. Опять колючая проволока, прожектор, тени от пожарных щитов... Но притупившиеся нервы уже не подстегивают воображение, усталость вытесняет призрачные страхи.

* * *

– Смена, подъем!

На этот раз маскировочные шторы на окнах подняты, и караульное помещение залито солнечным светом. Быстро завтракаем, поглядывая в окна, торопясь поскорее выйти на свежий воздух. Появляется из своей комнатки капитан Ху-

дяков в светлой офицерской шинели, на ходу вдевая ремешок португеи в тренчик на груди.

– Погодка-то, а? Шепчет! – произносит он с обычным своим выражением угрюмой насмешливости на лице пропойцы. – А ну, орёлики, выходи строиться!

Он идет с нами разводящим. Мы бодро топаем за ним, жмурясь от сверкающего на солнце снега, с удовольствием вдыхая февральский морозец, в котором отчетливо чувствуется запах весны.

– Эх, ружьишко бы сейчас! – говорит капитан, оглядываясь по сторонам.

– И погоны к черту, – подсказывают сзади.

– Разговорчики в строю!

– Вы сами начали...

Вот он, мой пост. Перед воротами, поджидая нас, стоит «старый суворовский солдатик» Сашка Платицын в расстегнутом тулупе с торчащей из пазухи металлической черточкой – стволом повешенного на грудь автомата. Он улыбается нам навстречу всеми своими суровыми морщинами, как щедрый даритель этого солнечного утра, начавшегося еще на рассвете, когда он стоял тут – единственный и слегка уставший соучастник.

– Привет, мужики, – говорит он севшим от долгого молчания голосом. – Как спалось?

– Караульный первого поста, на пост шагом марш! – командует капитан.

Я выхожу вперед и становлюсь рядом с подтянувшимся Сашкой – плечом к плечу, но лицом в противоположную сторону.

– Сдать пост, – командует капитан.

Мы с Сашкой поворачиваем друг к другу головы, он силой скороговоркой перечисляет все, подлежащее охране на посту, после чего я поворачиваюсь на месте кругом, и он отчеканивает: «Пост сдал!», а я: «Пост принял!» Все это мы проделываем улыбаясь и подмигивая друг другу, в то время как капитан, задрав голову, щурится на верхушки сосен. Потом он подает команду, и все, кроме меня, трогаются дальше, на другие посты. Сашка торопясь скидывает тулуп.

– Не надевай его, Дюка, запаришься, – советует он. – Солнышко-то сретенское вишь как припекает. Чего там на завтрак-то? – оборачивается он уже на бегу.

– Керзуха, Старый, пальчики оближешь!

Они скрываются в лесу. Повесив тулуп на перекладину караульного грибка, я осматриваюсь. Тишина и безлюдье, лес со всех сторон подступает к поляне, посреди которой тянется складской корпус... Вот когда я впервые ощутил себя тем, кем и был на самом деле, – полномочным хозяином этой территории. И медленно двинулся по тропинке вдоль колючей проволоки, по-хозяйски обходя свои владения.

Самый веселый фильм

Кино привезли под вечер. Мы помылись после работы и поужинали, и теперь ждали остальных.

Солнце закатывалось по ту сторону поляны. Туда направлены были стволы наших пушек. Туда же уходила, извинаясь, дорога. Разгоряченному за день телу становилось прохладно.

Мы ждали возле большого деревянного здания, которое неизвестно кто и зачем построил в этом лесу, с высоким чердаком и редкими окнами. Одно время оно служило продовольственным складом полка, и до сих пор на стеллажах оставались рассыпанные крупы и вермишель, а наверху, на чердаке, хранилось прелое сено; там была еще машина для резки хлеба: одной рукой надо крутить колесо, а другой – за-талкивать в нее буханки, – только она заржавела и никуда не годилась. Мы курили, прислонившись к бревенчатой стене, и поглядывали на дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.